

САНС ТИТР¹

Это не сценарий. Это даже не рассказ – так, не более чем этюд, эпизод. Так что оставьте надежду и забудьте все классические образцы художественной литературы. Забыли? Отлично. Поехали.

Полдень. Лето. Наши дни. Вы слышите крики птиц. Вы видите машину. Она мчится по равнине навстречу пятерым мужчинам, томящимся в ожидании вот уже несколько часов. Те стоят, напряженно всматриваясь в плывущее над землей облако пыли. Ждут молча, не жалуясь на жару и пот, выжигающий солью глаза. Пятеро щетинистых, обгоревших мужчин, самому младшему из них двадцать пять, самому старшему пятьдесят два – будто судьба не случайно свела их вместе, а ради числового палиндрома. Через считанные минуты им суждено умереть, но этого они, разумеется, пока еще не знают.

Не спешите влюбляться в эти строчки, наивно полагая, что ритм и ирония сохранятся на протяжении всей истории. Автор – всего лишь человек. Когда он в почти бессознательном состоянии написал предыдущую сотню слов, он еще не догадывался, к чему это всё приведет, – как не догадываются сейчас наши статисты, что приближающаяся машина не сулит им ничего хорошего. Обычно подобный подход к сочинительству предвещает неровности стиля и бессмысленность сюжета. Так что – расслабьтесь и наслаждайтесь картинками:

Красный, сияющий боками кабриолет. За рулем – девушка в обтягивающем синем платье. Тощая фигура, острые скулы, узкие губы. Глаза скрыты солнцезащитными очками. Темные волосы обвязаны белоснежным платком. Эта девушка – символ свободы с аляповатой рекламы сигарет.

В оправдание щедрой россыпи штампов напомним, что это – вымышленное происшествие (см. претенциозное название, которое вы сперва прочитали как «санс тигр», но поверьте – никаких тигров здесь нет). Чистая, незамутненная фантазия. Поэтому любые совпадения с реальными событиями или людьми – случайны, неуместны, да и попросту неприличны.

Добавим еще немного красок: цвет кожи мужчин – терракотовый. Их волосы – сухие, короткие, выжженные. Один из них, не выдержав накала, нервно сплевывает. Больше деталей к портрету добавлять не имеет смысла, поскольку продолжительность их существования ограничена одной страницей. Они ведь даже одеты в холщовые светлые одежды только лишь затем, чтобы подчеркнуть алые пятна, которые скоро на них расцветут.

Кабриолет тормозит непосредственно в нескольких метрах перед ними. Девушка ждет, пока облако пыли осядет, и лишь тогда покидает машину, слегка одернув нижний край платья. Мужчина, тот, которому пятьдесят два, делает шаг вперед и, кивнув, учтиво заговаривает с ней. Вы не понимаете, о чем он говорит, поскольку изучение этого языка не входило в вашу школьную программу. Но это не страшно. Гораздо важнее отметить, что девушке не нравится то, что она слышит. Она хмурится, она ожидала услышать другие новости, вот эти ее не устраивают – и она прикусывает нижнюю губу. Отвечает отрывисто. Короткий диалог. Шелест сухого ветра. Крики птиц. Воздух гудит от драматизма. Девушка

¹ *Sans titre* (фр.) – без названия.

извлекает из машины черный автомат. Следует оглушительный треск выстрелов. Вы слегка озадачены, хотя вас и предупреждали.

Она расстреливает мужчин без сожаления. Те даже не успевают удивиться. Впрочем, вы не успели к ним привязаться, так что на самом деле всем всё равно. Все пятеро застыли теперь в пыли. Разные позы. Танец смерти. На белых одеждах – алые маки. У одного из руки выпадает мятая сигарета (да-да, той самой марки, с рекламы).

Красная кровь, красный кабриолет.

Синее платье, синее небо.

Убийца переводит дух, обводит равнину взглядом, красиво держит дымящийся автомат на отлете, будто позирует для невидимого пин-ап-художника. Ветер срывает у нее белоснежный платок и уносит вдаль. Девушка отбрасывает оружие в сторону и бежит за платком. Спотыкаясь, неслышно ругается. Вы наконец-то начинаете испытывать хоть какие-то эмоции, переживать – догонит ли? Но тут затемнение, несмотря на то, что это не сценарий, поэтому многоточие, обозначенное словом. Что-то произошло. Некая загадка. Что там насчет платка? Красивый был платок, наверняка важный для героини. Вы хотите верить, что это неслучайно, что позже вам всё объяснят. Мы все хотим в это верить, не правда ли?

После чего – контраст. Вы видите Рим. Барокко, колоннады, вот это вот всё. Лето, сиеста, около двух часов дня. Одно из кафе на Испанской площади – не самая дешевая площадка для воплощения графоманских фантазий – где всё дребезжит от смеха, мелодичной речи, велосипедного звона и шума голубиных крыльев. Незнакомый вам, грузный мужчина средних лет, спрятавшись в тени, пьет за столиком маккиато, с многозначительным видом потирает переносицу, ухмыляется прохожим школьницам. Когда он тянется за молоком, то погружает руку в золотистый свет, заливающий полстола, и в отражении на металлической поверхности ковшика узнает неподвижную фигуру стоящей за ним девушки.

Внутренне сжавшись – словно читал предыдущие строки и знает, чего от нее можно ожидать, – он украдкой набирает номер на мобильном телефоне. Быстрой вспышкой вы видите встрепанного, сухопарого юношу, выходящего на балкон берлинской многоэтажки и сонно отвечающего на звонок: алло? Мужчина моментально перебивает его, он взволнован, он хочет предупредить молодого человека, что дела его плохи, посоветовать напоследок, что тот в свое время должен был прислушаться к доброму совету. Однако, естественно, не успевает этого сделать.

Первый выстрел из револьвера выбивает телефон из руки мужчины, второй пронзает его грудь. Крики, суматоха, посетители и прохожие бросаются прочь, перепуганные младенцы плачут на руках – идеальный саундтрек для преступления посреди полуденной Италии. Мужчина не то хрипит, не то всхлипывает под столом, пока девушка (в ярко-красном, под стать цвету помады, платье) медленно приближается к нему, садится на корточки, с интересом наблюдает за его конвульсиями и честно признается, что ей всего лишь нужно знать правду. Мужчина на мгновение замирает, а потом через боль начинает хохотать и, сплевывая кровь, объясняет, что она никогда не узнает правду, а потому никогда не будет уверена на сто процентов, а потому сомнения будут терзать ее до конца жизни, это ее удел... Третий выстрел заставляет его замолчать навсегда.

Девушка удаляется с площади, нервно передернув плечом, – она не переносит Рим. Слишком большой, слишком шумный. Слишком красивый.

На фоне – нарастающие вопли полицейских сирен.

(Вы всё еще уверены, что хотите прочесть этот текст до конца? Ну, что ж. Продолжим. Осталось меньше половины.)

В следующий раз вы видите девушку в совсем другом месте, в неких сырых застенках, быть может, подвалы ЦРУ, а, быть может, для экономии бюджета – и трущобы Прибалтики. За столом сидит женщина в летах, она похожа на вашу школьную учительницу химии, даже платье такое же, только с янтарной брошью, – держится она холодно, смотрит прямо перед собой. Время здесь остановилось, по болотно-зеленым стенам стекают капли накопившейся влаги, в них отражается дрожащий свет галогенных точек и тире, а по бетонному полу гулко цокочут острые каблук девушки, шагающей взад-вперед, вновь задающей тот же вопрос, вновь желающей знать правду – да или нет? Женщина смеряет девушку уничижающим взглядом и цедит сквозь зубы, что та и сама знает ответ, просто боится себе в этом признаться. Потому что элементарная трусиха. Вот и всё. Женщина плюет и надеется при этом попасть в девушку, но не попадает – во рту пересохло.

Этот ответ тоже не устраивает девушку – и, раздосадовано покидая камеру, она с напускной небрежностью бросает охранникам, что допрос окончен, они могут отвести пленницу тиграм, те ничего не ели со вторника (как странно, в зарослях этой истории всё же водятся тигры – и, тем не менее, вы их не увидите).

В отличие от автора вы уже начинаете догадываться, к чему это всё идет, и опять видите встрепанного юношу, как тот, терзаемый нехорошими предчувствиями, собирает чемодан посреди берлинской квартиры – пока из тени позади него не появляется наша героиня – на этот раз в майке, джинсах и растоптанных кедах. Она растерянно наблюдает за его действиями и тихо спрашивает:

– Так это правда?

Парень вздрагивает и смущенно оглядывается:

– Правда? Что именно?

Встревоженно он кидает косой взгляд на торшер, словно собирается, в случае чего, им обороняться.

– Что ты меня больше не любишь.

Парень вздыхает:

– Это-то еще почему?

– Мне так сказали. Что уже всё.

– Кто? – чересчур изумленно разводит юноша руками. – Что за глупости. Кто мог такое сказать?

– Достоверные источники. Я говорила с твоими друзьями, с твоей мамой. Не то чтобы они прямо так и сказали, но намекнули, это было как-то понятно между строк, уже просто по интонации. Да я и сама подозревала.

Парень колеблется, после чего сдается.

– Не знаю, что ты там себе опять надумала, – устало опускается он на постель. – Да, что-то такое было с утра, настроение, сам не знаю, что на меня нашло, я и подумал – не, не люблю ее. Точно. Пора бросить. А потом вроде как прошло. И вот ты сейчас так появилась эффектно. Из ниоткуда. Так что думаю, что люблю. Думаю – да.

Он вновь вздыхает, отводит взгляд, девушка продолжает пристально на него смотреть.

– Это правда?

– Это – правда.

Облегченно мурлыкнув, она сворачивается у него на коленях. Вернее, им обоим лишь так кажется, а в действительности она просто сжимается в комочек рядом с ним на постели и кладет голову ему на колени как на плаху.

– Сходим вечером на танцы?

– Конечно.

– Жаль только – платок потеряла, белый, помнишь, ты подарил.

– Ничего, новый купим.

Они оба знают, что всё сложно, что это только начало и, вполне возможно, ничем хорошим не закончится. Однако сейчас девушка устала и, зажмурившись, хочет чувствовать себя маленьким котенком. Особенно после такого странного дня. Оно и понятно.

Вы разочарованы? Вы разочарованы. В мире столько ужаса, а тут всего лишь несколько пустых, инфантильных картинок, к тому же – подсмотренных в чужих снах. Вас отвлекли от чего-то настоящего. От сильных переживаний и сложных сюжетов. От решения собственных проблем, в конце концов. Что ж. Вероятно, автор хотел подвести вас к не особо оригинальной мысли, что любовь – своенравная леди. Приходит и уходит, когда пожелает. Впрочем, положила руку на сердце – автор и сам не уверен, чего же он на самом деле хотел. Наверно, просто получить удовольствие. Имеется в виду – от букво- и словосочетаний, от свободы действий вне искусственных законов драматургии, от течения истории, у которой нет ни начала, ни конца, но которая в той или иной форме будет повторяться раз за разом, до бесконечности.

Живите теперь с этим знанием.

Живите с миром.

Тут многоточие, обозначенное словом.